

**Наталья Л. Пушкарева,**

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва  
pushkarev@mail.ru

## **„История повседневности“ и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения**

В центр исследовательского внимания помещены дискуссионные аспекты терминологии и герменевтики современной теоретической этнологии, культурологии и истории повседневности как нового направления социальной истории. Как соотносятся между собой этнографическое исследование быта (традиционно существующее в этнографиях многих стран уже не одно столетие) и „история повседневности“, объявленная самостоятельным аналитическим направлением в рамках „новой социальной истории“? Отвечая на этот вопрос, автор анализирует новейшие исследования этнографов и историков, выявляет постановку новых вопросов, тематизация которых ранее и не стояла на повестке дня, демонстрирует возможности новых социологических (этнометодологических), а также междисциплинарных приемов анализа, которыми пользуется гуманитаристика начала XXI века.

*Ключевые слова:* Повседневность, этнометодология, этнология обыденных практик, теоретические и методологические аспекты культурной антропологии

„История повседневности“ (everyday life history, Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne)<sup>1</sup> – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование повторяющегося, „нормального“ и привычного, конструирующего стиль и образ жизни, их компоненты и их изменения у

<sup>1</sup> Исследование поддержано грантами РГНФ NN 04-01-00004а; 04-01-78106а/Б и является продолжением статьи Пушкарева Н. Л. *Частная жизнь и проблемы повседневности глазами историка*, Социальная история 2004, Москва 2004.

представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения. В русском языке синонимы слова „повседневность“ – будничность, вседневность, каждодневность, обыденность – указывают на то, что все, относимое к повседневному, привычно, „ничем не примечательно, имеет место изо дня в день“.<sup>2</sup> Однако ключевым в том же словарном определении „повседневногo“ является как раз последнее – „происходимость“ изо дня в день, то есть регулярно, повторяемо.

Повседневность – это условие и детерминанта социального существования, определяющая выбор из альтернатив истории. Повседневность – это совокупность привычных социальных взаимодействий, укладов жизни, правил обихода, это – ткань человеческих отношений, каждое из которых в отдельности рациональное, т.е. запланированное индивидами. В совокупности же каждое такое взаимодействие является частью такой структуры и порядка, которые никем не планировались и не предусматривались.

Мы все живем в повседневном мире; повседневные, а потому малозаметные в своей привычности явления окружают нас, и каждый из нас полагает, что может точно судить о них и о предмете в целом. Однако реконструкция повседневности не так проста, поскольку речь идет о чем-то очень широком, всеохватном. У историка нет источников (или слишком много – что, по сути, одно и то же) относимых именно и только к истории повседневного. Поэтому легче, вероятно, поразмышлять о том, что не может и не должно быть отнесено к указанному выше предмету исследования, а параллельно попытаться вычленить искомое. Для чего индивиду необходима повседневность? Повседневность – первична, безусловна для всех людей, везде и всегда, хотя и неоднородна, неодинакова по содержанию, значению. В понимании философа она – „природно-телесное и лично-общественное бытие/поведение человека, необходимая предпосылка и общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности“.<sup>3</sup>

Возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого является одной из составляющих так называемого „историко-антропологического поворота“, начавшегося в конце 60-х гг. XX в. в мировом гуманитарном знании. Он совершился в результате с крушения великих объяснительных схем прошлого. Из пророков-теоретиков исследователи превратились (вместе с революцией „новых левых“ и ниспровержением всех старых объяснительных концепций) в обычных участников общественной жизни наравне с другими, не имеющих права определять, что истинно, а что ложно и планировать, каким должно быть будущее общество, они оказались вовлеченными в предмет исследования, стали частью его – а предметом этим и является „мир вокруг нас“.<sup>4</sup> Великие объяснительные

---

<sup>2</sup> *Словарь русского языка* в 4 тт, Т. 3, Москва 1983, 162.

<sup>3</sup> Касавин И.Т. Щавелев С.П. *Анализ повседневности*, Москва 2004, 22.

<sup>4</sup> Такие объяснения рождения теории повседневности приводит директор Центра исследований повсел М. Маффесоли. См: М. Maffesoli, *The Sociology of Everyday Life (Epi-*

схемы прошлого отличались универсализмом, монизмом, ориентацией на объективность, тотальность, порядок, единую теорию познания. Отказ от них и ото всего, что выше перечислено, означал переход к постмодернизму, заменившему универсализм партикуляризмом, монизм – релятивизмом, порядок – случайностью, тотальность – фрагментацией, а науку познания, эпистемологию – дискурсом.

В ходе этой трудной „революции духа“, совершившейся в конце XX века, выяснилось, что в российской науке – особенно философской, исторической, социологической – „сфера быта“ (и в жизни, и как научная тема) объявлялась вторичной<sup>5</sup> по отношению к производственной сфере.<sup>6</sup> Вероятно, именно этим объяснялся довольно слабый интерес к этой теме во всей гуманитаристике, за исключением этнографии. С другой стороны, как ни парадоксально, изучением и быта, и повседневности занимались одновременно многие и многие исследователи, правда – попутно с изучением иных проблем.

В развитии русской исторической науки выделяется целый период, охватывающий большую часть XIX в., получивший название „бытописательского“.<sup>7</sup> Те, кто творили в это время, были скорее как раз этнографами быта, нежели „чистыми“ историками. А. С. Уваров, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров, Д. Я. Самоквасов, В. И. Даль, А. Б. Терещенко, в начале XX в. – В. А. Городцов – корифеи этого направления.<sup>8</sup> Большинство из них представляло структуру проблемы быта как систему из рядоположенных составляющих, к которым они относили весьма общие „свойства людей“ (то есть психологические характеристики данного этнокультурного типа), а также их жилища, одежду, „домоводство“, „образ жизни“, элементы духовной культуры. Понятие „быт“, которым пользовались русские ученые-бытописа-

---

*temological Elements*), *Current Sociology*, Vol. 37, V-VI, 1989; M. Maffesoli, *La connaissance ordinaire*, Paris 1985.

<sup>5</sup> В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, *Формы общественного сознания*, Москва 1959, 23 – 26, 32 – 34, 158 и др.

<sup>6</sup> Об влиянии этого утверждения теоретиков на этнологию см, в частности: K. Guth, *Volkskultur des Alltags? Anfragen an Kategorien der Volkskunde*; D. Harmening, E. Wimmer (hg.) *Volkskultur – Geschichte – Region*, Würzburg 1990, 44 – 57.

<sup>7</sup> Этот термин см. в работах российских археологов: А. А. Формозов, *Очерки по истории русской археологии*, Москва 1961; Г. С. Лебедев, *История отечественной археологии*, СПб, 1992, 97, 181; С. П. Щавелев, *Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д. Я. Самоквасова)*, *Российская археология* 1, 1993, 221-222.

<sup>8</sup> А. Б. Терещенко, *Быт русского народа*, Москва 1997, 7, 278-283 (первое издание – СПб, 1848; Н. И. Костомаров, *Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях*, Москва 1992; А. С. Уваров, *Миряне и их быт по курганным раскопкам*, СПб, 1871; И. Е. Забелин, *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях*, Москва 1869; его же, *Домашний быт русского народа*, Москва 1869; *История русской жизни с древнейших времен*, Москва 1876; Д. Я. Самоквасов, *Очерк политических учреждений и обычного права древнейших учреждений и обычного права древнейшего периода истории русского народа*, Москва 1875; его же, *Северянская земля и северяне по городищам и могилам*, Москва 1908; В. А. Городцов, *Бытовая археология*, 1910.

тели уже не один век, охватывало – если судить по классическим работам XIX в. – „нравы и образ жизни“.<sup>9</sup> Таким образом, „быт“ в их работах понимался куда шире, чем, например, у советских этнографов, да и социологов второй половины XX в. В их – очень широкое – понимание „быта“ входило:

- Домашнее хозяйство и все его элементы
- „Досужее времяпровождение“ – все формы досуга
- Присваивающие формы экономики (сбор грибов, ягод, меда и т.п.)
- Производящие формы экономики (производственный быт)
- Нормы обычаев и права, в особенности традиционные
- Формы управления и административные порядки в селе и городе
- Принципы торговли
- Опыт разрешения конфликтов и/или ведения боевых действий<sup>10</sup>

В историко-бытовые очерки перечисленных выше авторов XIX в. очевидно не входили лишь, во-первых, яркие события в политической истории и, следовательно и во-вторых, социально-значимые поступки индивидов, деяния правителей, подвиги полководцев, происки анти-героев (вроде Герострата). Наибольший же вес в трудах бытописателей XIX в. имели описания материального („вещного“, как тогда говорилось) быта, причем той его стороны, которая предстает обычному взору внешнего наблюдателя, без попыток объяснить мотивы бытового поведения людей, исходя из свойственного этим исследователям понимания окружающего их мира.

Бытописательский, „народоведческий“ период становления истории повседневности теперь предстает именно исторически первым периодом складывания многостороннего исследования обыденной жизни, к нему хронологически примыкает и период складывания российского краеведения в начале советской эпохи (1920-х гг.), закончившийся печально знаменитыми годами сталинских репрессий, в годы которых пострадало значительное количество исследователей, занимавшихся описаниями быта и культуры народов СССР.

Этнография, если помните, приняла тогда на время некий „социологический уклон“. Действительные отношения, складывавшиеся в быту рабочих и крестьян, а тем более интеллигенции, мало, кого интересовали. „Быт“ считался чем-то низменным, о чем не стоит рассуждать. „Чего нельзя отнять у большевиков – это их исключительной способности вытравлять быт и уничтожать отдельных людей“<sup>11</sup> – горько заметил современник событий, поэт

---

<sup>9</sup> В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Т. 1, Москва 1955, 148.

<sup>10</sup> См, например: Д. Я. Самоквасов, *Северянская земля и северяне по городищам и могилам*, Москва 1908, 8-9. В 1846 г. на одном из первых заседаний Русского географического общества Н. И. Надеждин предложил программу „изучения народностей русской“, предполагавшую описание: а) быта вещественного б) быта житейского в) быта нравственного и г) языка.

<sup>11</sup> А. А. Блок, *Дневник*, Москва 1989, 299.

Серебряного века А. Блок. Целая эпоха так называемого „раннего советского быта“ оказалась за пределами научного изучения, став предметом исследовательского анализа вначале лишь у ряда учёных на Западе,<sup>12</sup> представителей которой у нас долгие годы именовали „фильсификаторами истории“. Одновременно и старый, дореволюционный историко-этнографический подход к изучению быта был осужден и очернен, сам термин „бытописание“ получил отрицательные коннотации. Этнографы, разумеется, изучали советский быт деревни города, но делали это в духе тех требований, которые предъявляла к ним идеология. Они сопоставляли быт традиционный и быт социалистический, превознося последний и ища недостатки и трудности в „старом быте“.

При этом бывшее синонимом любого исторического описания вообще, „бытописание“ стало – в советской историографии – означать „поверхностное, излишне натуралистическое изображение жизни“, от которого исследователям-аналитикам надлежало дистанцироваться.

При всей излишней строгости такого отношения к этнографам прошлого, трудно не согласиться с тем, что самое скрупулезное описание быта (что бытописателями XIX в, что – этнографами советского времени) не способно было представить мужчину или женщину прошлого наделенного замыслами, которые осуществились, или мечтами, которые не удалось реализовать. Быт – по крайней мере в восстановленном исследователями виде – выглядит медленно и мало изменчивым, сопротивляющимся переменам. Любая из книг русских бытописателей XIX в. и советских этнографов до поры до времени представляла человека раз и навсегда скованным рамками жизненного сценария, за пределы которого никому было не вырваться. Подробности быта, узнанные из сохранившихся источников, рисовали этот быт понятным человеку более позднего времени, и до поры до времени эта понятность вполне устраивала исследователей. Нужно было пройти немалому времени, родиться новым концепциям в философии и социологии, чтобы эта бытовая понятность была поставлена историками под сомнение. Необходимо было родиться этнометодологии, чтобы пути к созданию союза социологов, этнологов и историков оказались намеченными – и именно на поле „истории повседневности“. Нужны были основания для признания права на существование социальной и культурной антропологии – направления гуманитарного знания, пришедшего в Россию из англоязычного мира. Именно оно поставило исследователя перед дилеммой: возможно ли воссоздание системы ценностей ушедших веков (если она не была равна, тождественна сегодняшней)?

---

<sup>12</sup> См. Работы Шейлы Фитцпатрик: S. Fitzpatrick, (ed.) *Cultural Revolution in Russia 1928-1931*, Bloomington – London 1978; *ibidem*, *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921-1934*, Cambridge 1979; *ibidem*, *The Bolshevik's Dilemma: Class, Culture and Politics in Early Soviet Years*, *The Slavic Review*, Vol. 47, 1988; *ibidem*, *Sex and Revolution: An Examination of Literal and Statistical Data on the Mores of Soviet Students in the 1920's*, *Journal of Modern History*, V. 50 (2), 1978, 252-278. Переводы трудов Ш. Фитцпатрик на русский язык появились лишь в конце 1990-х – начале 2000-х г. (Ш. Фитцпатрик, *Сталинские крестьяне, Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня*, Москва 2001).

Как соотносятся между собой история и быт? Этот вопрос – в сущности, важнейший в реконструкции истории повседневности<sup>13</sup>.

Что касается новейшей российской этнологии, то она понимает под „бытом“ „устоявшиеся“, привычные, „традиционные“ формы личной и общественной жизни,<sup>14</sup> „повторяющееся, устойчивые, ритмичные, стереотипизированные формы поведения“.<sup>15</sup> В новейших российских исследованиях повседневности культурологами ее по-прежнему нередко приравнивают к понятию „быт“, считая эти слова синонимами.<sup>16</sup> Эта тенденция сформировалась именно в советское время, и родилась она из привычного противопоставления категории „работа“ (производственная деятельность) – категории „быт“. В связи с введением в литературу словосочетания „производственный быт“, появилась необходимость отделить от него быт как досуг (под „бытом“ разумелось свободное от работы время).

Но и „быт“ в гуманитарных науках – и в России, и на Западе – трактовался очень расширительно. Как правило, в него одним махом включали и будни, и праздники, и (отчасти) явления духовной культуры и, в особенности, культуры материальной.

Приравнивание понятия „быт“ к понятиям „материальный быт“, „материальная культура“ – отличительная черта и нашей, и восточноевропейской, и западноевропейской историографии.<sup>17</sup> Так что современные „повседневноведы“ – историки являются чаще всего и „бытописателями“, позаимствовавшими у этнографов интерес ко многим типично этнографическим темам: исследование жилища, системы питания, стиля одежды итд.<sup>18</sup> Действительно, история повседневности по определению располагается рядом с этнологией, представители которой стремятся играть роль наблюдателей, а то и участников изучаемого ими образа жизни (того самого, повседневного), если согласны с интеракционистскими призывами к инсайдингу (insiding). Включенное наблюдение, столь любимый метод этнографического изучения, позволяет заметить такие стороны жизни людей, от которых не остается достаточно следов или вовсе исчезнувших из исторических, документальных источников.

---

<sup>13</sup> А. А. Аникеев, *Мир и структура повседневности*; В. А. Шаповалов, *Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание, методология изучения*, Сборник материалов межрегионального научного семинара, Ставрополь 2001, 7.

<sup>14</sup> *Основы этнографии*, под ред. С. А. Токарева, Москва 1968, 6.

<sup>15</sup> *Этнология*, под ред. Г. Е. Маркова и В. В. Пименова, Москва 1994, 14.

<sup>16</sup> В. Д. Лелеко, *Пространство повседневности в европейской культуре*, СПб, 1997, 17; Л. В. Беловинский, *Изба и хоромы*, Из истории русской повседневности, Москва 2002. (История повседневности. Вып. 1).

<sup>17</sup> G. Wiegmann, „Materielle“ und „geistliche“ Volkskultur, *Zu den Gliederungsprinzipien der Volkskunde*, *Ethnologia Europea* 4, 1970, 187 – 193.

<sup>18</sup> C. Lipp, *Alltagskulturforchung, Sociologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts*, *Zeitschrift für Volkskunde* 89 Jg, Hf. 1, 2, 1993.

Главное отличие между этнографическими исследованиями быта и изучением повседневности историками лежит в понимании значимости событийной истории, в осознании величины той роли, которое отводится жизни страны и общества на страницах работ историков повседневности, в отличие от работ этнографических.<sup>19</sup> Не секрет, что политико-событийная история – крайне редкая „гостья“ в традиционных этнографических исследованиях быта. Подвижное, изменчивое время, точнее – времена, влияние множества неожиданных событий на изменения в частной, бытовой жизни – предмет, интересующий как раз микро-историка повседневности, который старается показать многообразие индивидуальных реакций на череду политических событий.

Быт – он всегда несколько неповоротлив, процессы его изменений – процессы *longue durée*; а повседневность – подвижна, динамична, не терпит перерыва.

Какие из событий, по каким причинам и кем оказались „замеченными“, поскольку повлекли за собой изменения в строе жизни людей разных социальных страт, а какие – несмотря на все идеологические потуги – оказались „проходными“?<sup>20</sup> Именно в повседневности витают мысли и чувства, зреют замыслы, порывы и устремления – решиться на необычный поступок или быть конформным, попробовать новое или же уклониться от него. Ситуации, рожающие экспериментирование, появляются именно в обыденности. Историка повседневности интересует, как это происходит.

Этнографическое воссоздание быта и этнографическое его описание, включающее в удачных случаях описание не только материальной среды обитания человека, но ряда элементов его духовной культуры (обряды, ритуалы, праздники, фольклор) редко уделяет внимание переживаниям отдельных людей, особенно если таковые не характеризуют наиболее распространенный или типичный вариант эмоциональных реакций. Указания на ту или иную эмоциональную реакцию могут быть включены (или приведены в виде цитаты) в исследование этнографа в иллюстративном плане (усиливающим какое-либо умозаключение), но почти никогда не бывают предметом специального анализа: почему возможна такая девиация? Имела ли она шанс на превращение в „исключительное нормальное“ (Х. Медик) и затем в распространенное?

---

<sup>19</sup> См. об этом: E. Siepmann, *Alchemie des Alltags*, Giessen 1989, 3.

<sup>20</sup> Исследования повседневной жизни 30-50-х г. в Германии открыли для историков несколько неожиданную оценку всего периода 30-х г. как „благополучных“ и „стабильных“, бывших – по сравнению с 20-ми – годами „нормальной жизни“, которую нарушила война. Субъективная оценка ее окончания и возвращения к „нормальному“ - не 1945 г, а год 1948-ой, когда была проведена денежная реформа и стабилизировался быт. См: L. Niethammer, (Hsgr) *Die Jahre weiss mann nicht, wo man die heute hinsetzen soll: Faschismus Erfahrungen im Ruhrgebiet, 1930 – 1960*, Bonn 1983.

Отмечу здесь, что развернувшаяся четверть века назад в европейской культурологии и философии дискуссия о разграничении понятий „культура“ и „обыденный мир“ (Alltagswelt) включила в себя как размышления философов о том, как явления материальной (например, типы строений, предметы домашнего быта, мебели, одежды ) и духовной (фольклорные произведения) сфер культуры, „оживленные“,<sup>21</sup> разбуженные и выведенные из статичности, формируют „обыденный мир“ во всей его сложности, противоречиях, столкновениях индивидуального и общего. Ритмизированные „правила действия“, образцы поведения делают культуру живой, а эти правила и образцы – не отвлеченные схемы, они наполняются жизнью, благодаря эмоциональной окрашенности. Выводить мир эмоционального за рамки исследования – значит превращать его в изучение культурных моделей вместо анализа обыденности во всей ее сложности. Таким образом, историк (и – шире: исследователь) повседневности всегда ставит в центр своего анализа, делает его предметом меняющегося человека в его обыденных заботах, а не выделенные элементы духовной или материальной культуры, созданные этим человеком (этими индивидами).

В центре внимания историка повседневности всегда не только и не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление теми, кто живет рядом или жил до нас, подчас оставшись безмянным в истории... Противоречия и сомнения, способы их разрешения, попытки сказать свое слово или заявить о своей непохожести, опосредованные тривиальностью жизни (от ландшафта до распорядка дня, от модели отношений с родственниками до представлений о предписанном или исключительном в сексуальной сфере) – все это определяет круг интересов именно историка повседневности. История повседневности в изучении ментальных макро-процессов есть форма историоризации коллективного бессознательного. Это скорее история ментальностей, нежели этнографическая история конкретно-бытовых навыков и обыкновений.

Интерес к „проблемному“, рождающему переживания, предопределяет дальнейший выбор тем. Историка повседневности интересует „этнография быта“ не только основных классов (дворянство, крестьянство, рабочие, предприниматели, священники и т.п.), но и весьма малых социальных групп, в том числе жизнь и переживания самых дискредитируемых из них, тех, чье недовольство раскачивало корабль истории. „Разные виды деятельности и те, кто ими занимается, имеют свои истории. Эти истории, в свою очередь, могут быть, возможно, более интересны, чем

---

<sup>21</sup> „Дом остается просто строением, пока в нем не начинают действовать люди, превращающие его в среду обитания, место проживания...“ – отмечает голландский исследователь Х. Ван Лёвен. – „потому что именно человек есть эктор культуры“, и именно он способен „разбудить“ ее. См: H.van Leeuwen, *Ecological Approach to the House-Environment*, Wageningen 1971, 13. О значимости введения „человеческого измерения“ - фактора эмоций – в изучение бытовой стороны жизни см. также: I. Grevius -M. *Kulturelle Ordnung, Volkskunde, Fakten und Analysen*, Festgabe für Leopold Schmidt, Wien 1972, 6 – 13; ibidem. *Über Kultur and Alltagswelt*, *Ethnologia Europea* N 9, 1976, 200 – 203.



ограниченные отчеты о политических событиях прошлого. Они могут помочь понять самих себя“.<sup>22</sup>

Историки повседневности (в отличие от этнографов традиционного научного воспитания) не отворачиваются от специального изучения повседневности носителей отклоняющегося (девиантного) сознания и поведения, чей быт этнографы (как быт нетипичный) крайне редко делают предметом своего особого изучения. Здесь, правда, кроется большая опасность, невидимая ловушка для историка повседневности, готового подчас отнести исключительное, из ряда вон выходящее – почти к обычному, к одной из „типических,, сторон привычного.<sup>23</sup>

Однако повседневное тем и отличается от „иного“, что предполагает повторяемость привычных ситуаций, автоматизмы обыденности, и если различные девиации признавать за обыденное и „ничем не удивительное“, тогда действительная поведенческая норма оказывается размытой и, что важно для ученого, не исследованной и не понятой. Разумеется, повседневное сознание не только отображает реальность повседневности, но и адаптирует к себе сферы неординарной обыденности, однако процессы такой адаптации, „оповседневливания“ экстремального требуют инструментальной тонкости анализа, а не формального описания примеченного. В некоторых же работах этой тонкости не замечается, и исключительное объявляется не просто бытующим, но распространенным. В строгом разграничении встречающегося, бытующего и распространенного, в изучении – „серой обыденности“<sup>24</sup> история повседневности в идеале и должна обнаружить смычку с этнографией.

---

<sup>22</sup> P. Stearns, *The Other Side of Western Civilization, Introduction*, V. 2, 5, New York.

<sup>23</sup> А. С. Сенявский, совершенно справедливо в этом смысле раскритиковал книгу Н. Б. Лебиной (Н. Б. Лебина, *Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии, 1920 - 1930 годы*, СПб, 1999), увидев в ней „попытку отразить жизнь города через концепцию девиантного поведения, свести все многообразие городской жизни к социально ущербным, маргинальным или патологическим проявлениям“. Действительно, несмотря на заголовков, собственно „нормальное“ выпало из поля зрения автора. „Методологическая некорректность такого подхода становится очевидной – насмешливо отмечает А. С. Сенявский, - если задать простой вопрос: как же те же самые люди, жители Ленинграда, „погрязшие“, если верить автору, в социальных аномалиях в 1920-е - 30-е годы, лишь через несколько лет проявят массовый героизм, отстояв город, выдержав ужасную длительную блокаду? Такая „неувязка“ свидетельствует о предвзятом вырывании отдельных аспектов городской жизни, выдаваемых за саму ее суть и полное отражение. Естественно, проблема „девиантности“ не должна выпадать из предмета анализа, однако нужно адекватно отражать ее место, ее „реальный вес“ в повседневной жизни, одновременно понимая и учитывая всю условность, относительность и историчность социальной нормативности, впрочем, как и критериального поля наших оценок...“ (А. С. Сенявский, *Указ. соч. Повседневность как методологическая проблема микро и макро-исторических исследований (на материалах российской истории XX в.)*, История в XXI в, Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества, Москва 2001, 29).

<sup>24</sup> М. Дэвис, *Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернативы, Россия в XX в*, Историки мира спорят, Москва 1994, 314.

Этнограф-специалист по истории материальной культуры является терпеливым искателем „мелочей“ и тщательным их аналитиком. Состав глины, из которой произведена посуда, естественных красителей, которыми окрашены ткани, приемы лечения больных – все это обычно присутствует в самом полном виде и в старых, и в новых этнографических работах. История повседневности – в отличие от этнографии – ставит задачу „не разглядывания мелочей, а рассмотрения в подробностях“, <sup>25</sup> поскольку ставит на первое место не столько само описание материального предмета, но подробности отношений к нему людей, всех возможных коллизий, которые может повлечь за собой его существование. Одна бытовая деталь может помочь историку повседневности типизировать биографическое и почувствовать в истории повседневности то, что выражало на тот момент „дух времени“, соотнести частное существование человека с ходом исторических событий.

Если этнограф-традиционалист старается возможно более точно описать повторяемые, устойчивые детали бытовой жизни в определенной микросреде, то историк повседневности ставит задачей не просто фиксацию выявленного, но уяснение механизмов появления новаций в укорененных и привычных структурах, выяснения движущих сил в процессах сближения нового и традиционных норм социального действия, некоторые из которых оказываются исключительно устойчивыми. <sup>26</sup>

Этнография быта не включает в себя изучение индивидуального переосмысления устоявшихся понятий. Между тем, изучение культуры повседневности позволяет не только делать это, но и увязывать осмысление повседневного с политической культурой личности <sup>27</sup> (например, восприятие человеком – воспитанным на идеалах „коммунарности“ (Н.А.Бердяев), то есть приоритета коллективного над частным – индивидуальных гражданских или политических прав личности). Включая в свое „поле“ изучение отдельного человека и его социальной микро-группы, история повседневности позволяет выяснить, насколько индивидуальное восприятие (одна из сторон духовной жизни человека) влияет на эту индивидуальную обыденную жизнь, в том числе и жизнь в сложившейся политической системе.

В новейших работах по социальной антропологии и культурологии, стремящихся преодолеть описательность традиционной этнографии XIX столетия, может быть весьма скрупулезно проанализировано бытование той или иной отдельной формы фольклорных произведений или, например, слухов, сплетен (так тесно связанных с повседневностью). Порой такая скрупулезность помогает выявлению отражений в них ментальных характе-

---

<sup>25</sup> Х. Медик, *Микроистория. Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем*, Альманах, Т. II. 4, Москва 1994, 202.

<sup>26</sup> J. Bensman, R. Lilienfeld, *Between Public and Private: The Lost Boundaries of the Self*, New York 1979, 173.

<sup>27</sup> *Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х*, Москва 1993, 60-61.

ристик определенной социальной группы или общности. Однако такие работы все-таки остаются именно трудами по этнографии повседневного быта, поскольку анализируют, как правило, лишь одну из сторон жизни или одного события или явления, мало касаясь других, а история повседневности – дисциплинарно и тематически интегративна и многопланова. Этнография – „внеэкономический“, точнее – позитивистски-описательный способ фиксации жизни людей и культурного базиса того, что делает их людьми.<sup>28</sup> История повседневности же, близкая культурологии и этнометодологии в социологии, претендует на то, чтобы сохранить и воспроизвести некий тип теоретизирования. В то же время, дистанцирование от традиционных подходов в социологии выражается у „повседневников“ в критике количественных, особенно опросных и экспериментальных исследований<sup>29</sup> и большем внимании к индивидуальным рассказам (а не анкетам) о повседневности.

Понятно, что в один научный труд, как бы долго и терпеливо он ни писался, невозможно интегрировать абсолютно все мыслимые аспекты изучения проблемы и в то же время рассмотреть их на протяжении большого хронологического периода. Именно поэтому работы по этнографии быта – в отличие от исследований по истории повседневности – охватывают, по традиции, гораздо больший временной отрезок, так как ставят задачей выявление общих, усредненных изменений в пространстве и во времени. Работы же по истории повседневности часто стремятся к меньшей географической и временной локализации, обрисовывая зачастую лишь небольшой регион, малый период времени (скажем, реакцию на одно непосредственное событие, например, войну или коллективизацию), но предполагают углубление анализа за счет жизненных историй представителей разных возрастных, профессиональных, половых и других социальных когорт, „сетей“ их взаимосвязей и взаимодействий в частной, домашней и внедомашней, производственной жизни.

Официально-правовая регламентация поведения людей, ее фиксация в законах – область исследований традиционной истории юриспруденции. Этнографов интересуют в большей мере элементы обычного права, традиционных представлений и понятий, отразившиеся в строках законов и повлиявшие как на их составление, так и на повседневное поведение людей. Напротив, историк повседневности, не упуская из виду обычно-правовых установлений, вынужден принимать во внимание групповые и индивидуальные реакции отдельных индивидов на нормы и законы, перепроверять действенность различных установлений, определяя, какие из них соблюдались – а какие оставались лишь на бумаге.

---

<sup>28</sup> Оценка и противопоставление А. Видича и С. Лаймана. См: А, Vidich, S. Lyman, *Qualitative methods, their history in sociology and anthropology*, Handbook of qualitative research, Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln, Newbury (Cal) 1994, 2.

<sup>29</sup> M. Hamersley, *What's wrong with ethnography? The myth of theoretical description*, Sociology, V. 24, 1990, 597.

По сложившейся традиции в этнографических исследованиях „быт“, „бытовая сфера“ с очевидностью противопоставляется (вместе с досугом, свободным временем и т.п.) „труду“, сфере производственной, хотя понятие „производственного быта“ (то есть условий труда) в принципе бытовало в работах исследователей советского времени. Однако именно историки повседневности сделали изучение каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий (в том числе и конфликтных) с представителями администрации и предпринимателями темой „новой рабочей истории“ и новой истории труда, ставших впоследствии самостоятельными „историями“.<sup>30</sup>

Однако, при всех этих противопоставлениях „истории повседневности“ и „этнографии быта“, область повседневной жизни и мысли (обыденное сознание), стиль решения привычных ежедневных проблем находятся в центре внимания и того, и другого направления, поскольку служат внешним выражением этнической принадлежности. Бытовые стереотипы этничности настолько сильны, что их можно считать инструментами принудительной и стихийной этнической идентификации. Думаю, что такой подход к этнографии быта и истории повседневности в равной степени не противоречит ни биологизированной теории этноса, в которой последний предстает как живой организм, способный рождаться, эволюционировать и умирать (как у Л.Н.Гумилева),<sup>31</sup> ни примордиалистской (в которой этнос – реальный социальный феномен, изначально (примордиально) существовавший и существующий ныне, ни традиционной советской, основанной на материалистическом (техничко-экономическом) понимании этногенеза, в которой этнос всегда располагает устойчивыми, атрибутивными и по сути объективными качествами личностей и социума (Ю.В.Бромлей),<sup>32</sup> ни современной конструктивистской теории, согласно которой этнос – идеологический конструкт, „комплекс чувств, основанных на принадлежности к культурной общности“ (В.А.Тишков).<sup>33</sup>

В известной степени, изучение этнографии быта и истории повседневности пересекается и с такой отраслью этнографии как социальная этология или социобиология. Основоположник последней, Э.Уилсон выделил три основные программы поведения млекопитающих (приматов): защита места обитания; агрессивность (или опережающая защита достоинства); шаблоны сексуального поведения; непотизм (семейная солидарность,

<sup>30</sup> О соотношении этнографического исследования быта и истории повседневности см. также: Н. Л. Пушкарева, *История повседневности и частной жизни глазами историка, Социальная история – 2004*, Москва 2005 (в печати).

<sup>31</sup> Л. Н. Гумилев, *Этносфера: История людей и история природы*, Москва 1993.

<sup>32</sup> Ю. В. Бромлей, *Очерки теории этноса*, Москва 1983, 16-17; С. Е. Рыбаков, *Национализм и нация*, Этнографическое обозрение, 4, 1999, 4 – 6.

<sup>33</sup> В. А. Тишков, *Что есть Россия? (перспективы нацистроительства)*, Вопросы философии, 2, 5, 1995; Его же, *О феномене этничности*, В кн: *Очерки теории и политики этничности в России*, Москва 1997, 32 – 40.

стадность, покровительство родным). Если не отвергать с молодым задором все биодетерминистские теории, то можно всерьез задуматься над тем, что в вышеперечисленных „программах“ можно найти основание, которое конструирует базовые структуры повседневности.<sup>34</sup> И потому в то время как, скажем, биологи заняты расшифровыванием генома человека, историки повседневности, исходя из тех же, перечисленных выше, базовых конструктов восстанавливают исходную матрицу современной культуры, архетипы ежедневного поведения людей в этом мире.

\* \* \*

В чем смысл изучения истории повседневности, раскапывания деталей микроистории и попыток выстроить стройную макрокартину быта и помыслов людей, живших задолго до нас или совсем недавно? Структуры повседневности, составляющие почву порядка, власти, познания, определяются специфически организованными дисциплинарными пространствами общества. Изучая структуры таких пространств, существовавших в прошлом, мы – и исследователи, и читатели книг о повседневности – способны по иному оценить свой каждый настоящий день, его мимолетность, малость, стремительность и в то же время связанность с другими такими же днями, нашими и чужими. Каждый из таких дней предстает не случайностью, не вещественным прозаизмом, но неотъемлемой частичкой длительной общей работы, наполнения культурной традиции.

С другой стороны, изучение истории повседневности заставляет разглядеть типологию там, где она хуже всего просматривается – в индивидуальных решениях, принимаемых в различных ситуациях. Именно этнографы, если они делают шаг от традиционного бытописательства к истории повседневности, владеют инструментарием для выяснения типологии бытовых реакций с точки зрения их частоты бытования. И тогда выяснится, что история повторяется потому, что так медленно меняемся мы сами – не отвлеченные, виртуальные социальные структуры, а мы сами, конкретные люди. Но, замечу, та же „история повседневности“ позволяет выявить: последовательное рассмотрение историй жизни показывает, что люди всегда неодинаково движутся по одной и той же колее (даже если их к этому подталкивают), так что поле для размышлений найдется всегда.

Трудно переоценить важность воссоздания бытового антуража в контексте его созидания в ту или иную эпоху и для формирования жизненных установок, национально-культурной идентичности, исторического сознания. От провозглашения общечеловеческих ценностей, главной из которых является жизнь человека, следует перейти к формированию умения жить в противоречиях, к формированию толерантности, к ориентации на диалог жизненных миров и культур. Эти культурологически и социально-психологически важные цели и ведут массы современных исследователей по

---

<sup>34</sup> *Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы*, под ред. М. Л. Бутовской, Москва 1999.

пути, начертанному бытописателями XIX в, этнографами XX-го, „историками и этнографами повседневности“ века XXI-го.

**Natalia L. Puškareva**

## **Everyday Life through the Eyes of Ethnologists**

*Key words:* Everyday life, ethnomethodology, ethnology of everyday practices, theoretical and methodological aspects of cultural anthropology

This reserach focuses on some of the new and distinctive patterns of scientific discourse with special reference to the differences between ethnological research of ordinary life and history of everyday life as a part of “new social history”. The author try to show the changing paradigms in humanities, reorganisation of its problematic, new sociological (ethnometodological, interdisciplinary) methods which were adopted in modern ethnology, as well as in the social history as a whole.